

Глава 7

КОРАБЛЬ, ПЫЛАЮЩИЙ НА ВОЛГЕ

793 год, Нортумбрия. Захватчики, пришедшие с далекого севера, собираются разграбить захоронение святого Катберта, одно из самых почитаемых мест в раннесредневековом христианском мире. Монах-летописец оплакивает святыню, описывает «грабеж и резню», которые сопутствовали нападению, и пишет, что захватчиков сопровождали «драконы, дурной ветер и голод».

921 год, берега Волги. Исламский правовед, возможно, родом из Аравии, восхищается физической доблестью русов — группы северных торговцев и воинов. Однако он испытывает отвращение к их скверне и бесстрастно описывает ритуальное изнасилование, а затем и принесение в жертву поработоченной девушки. Русы тем временем оплакивают своего павшего вождя. В конце ритуала тело вождя и тех, кого он держал в рабстве, сжигают вместе с кораблем.

986 год, Киев. Русский князь Владимир встречает миссионеров — мусульманских болгар, еврейских хазар и христианских немцев. Однако в конце концов он выбирает веру римлян из Константинополя. Князь и его народ принимают крещение, символически связывая свое гибридное скандинавско-славянское королевство с Новым Римом.

1010 год, окрестности залива Святого Лаврентия. Коренные жители Северной Америки пытаются обменять оружие на товары у гренландцев, которые разбили здесь лагерь. Им приходится довольствоваться коровьим молоком, которое по-прежнему считается деликатесом на континенте, где нет одомашненных молочных животных. Но позже вспыхивает драка, и нарушители убегают — все, кроме женщины по имени Фрейдис, которая отпугивает нападавших, обнажая одну грудь и ударяя по ней мечом.

1038 год, Сицилия. Изгнанный из Норвегии принц по имени Харальд Хардероде сражается в византийской армии, бок о бок с союзниками-норманнами, против мусульманских правителей острова. Позже он возвращается в Константинополь, похищает римскую принцессу, затем бежит в Киев, борется за власть в Норвегии... Позже он погибнет, пытаясь завоевать Англию. За 51 год жизни Харальд преодолевает тысячи и тысячи миль пути.

Создается впечатление, что викинги буквально всё успели, всюду побывали. Они бесчинствовали на останках империи Каролингов в Северной Европе. Они совершали набеги на Средиземноморье, сражались в византийских армиях — и против византийских армий. Они торговали с коренными американцами, и так же успешно — с халифами. В представлении современного человека викинги — легендарные герои. О них снимают сериалы, они становятся персонажами видеоигр. Легендарная агрессивность, жестокость викингов и их предполагаемое женоненавистничество привлекают ультраправых. Но Светлые века — это эпоха многогранных явлений. И викинги не исключение.

Нам нужно посмотреть на это явление и прицельнее, и шире. Термин «викинг» сам по себе ограничивает, как, например, термин «пират». В историческом смысле этот термин не универсален, и применять его ко всем группам всех эпох, конечно, нельзя. Но мы будем пользоваться этим словом, как пользуемся, скажем, и словом «Византия», тоже далеко вышедшим за пределы своего первоначального контекста. Когда мы говорим об «эпохе викингов», то должны рассматривать ее максимально широко, ведь она охватывает всю континентальную Европу, Средиземноморье, Азию, острова Северной Атлантики и даже Северную Америку. Мало какие народы еще путешествовали так далеко, так быстро и с такими долговременными последстви-

ями — положительными и отрицательными — для тех, с кем они сталкивались. Тексты, рассказывающие об этих встречах, написаны на греческом, латинском, английском, арабском, славянском и исландском языках. На протяжении нескольких столетий викинги соприкасались с британцами, франками, славянами, русами, византийцами, североафриканцами, арабами и даже коренными народами Северной Америки. Они торговали и сражались с представителями всех авраамических религий, а также с представителями других религиозных традиций, и истории об этом сохраняются вот уже более тысячи лет.

Викинги были агрессивными — но не только. Они также участвовали в трансрегиональной торговле, колонизировали земли, которые считали необитаемыми, торговали и воевали с инуитами и другими коренными народами, когда обнаружилось, что необитаемыми дальние земли вовсе не были. Викинги создавали новые королевства и государства и выстраивали официальные дипломатические отношения с соседями.

За несколько столетий северяне в большинстве своем приняли христианство. В средневековом мире появилась еще одна группа государств и народов. «Северяне» стали норманнами. Большая Скандинавия превратилась в культурный, художественный, политический и экономический центр, стала территорией инноваций.

Народы, населявшие ее, изменились, но сохранили свои языковые и культурные традиции даже после принятия христианства. Исландцы ценили демократию, увлекались литературой, но при этом любили истории о жестокой кровной мести и убийствах и участвовали в них. Датчане создали в Северном море империю, пусть и небольшую, объединив разные королевства и народы. Викинги-ремесленники строили лучшие в средневековом мире корабли, способные пересекать океаны и ходить по рекам вглубь материков. Нужно сказать, что в этом обществе отмечалось гендерное равенство, по крайней мере в высших слоях. Города были оживленными центрами торговли. Мужчины прекрасно одевались. Как показывает история Харальда Сурового, один и тот же викинг мог быть сторонником сотрудничества и при этом разжигать жестокие конфликты везде, куда его занесла судьба. Когда викинги обнаруживали на какой-то территории богатство и слабую политическую структуру, они совершали набег. Если находили трансрегиональные торговые пути, то начинали торговать. Когда они встречали сильных лидеров, которым нужны были солдаты, они шли на военную службу. А на пустующих землях занимались сельским хозяйством.

История средневековой Скандинавии требует «двойного» рассмотрения: сначала нужно сфокусироваться на том, как викинги приближались к различным границам средневековых обществ, проникали через эти границы

и меняли их. Затем нам нужно посмотреть на саму Скандинавию, чтобы отметить преобразования, которые стали результатом экспансии, и исследовать новые синкретические культуры, которые там возникли.

Перенесемся в прошлое, на остров Линдисфарн недалеко от побережья Нортумбрии — священное место для здешних христиан. В 793 году викинги совершили набег на этот остров в поисках добычи. Их прибытие в Британию и разграбление Линдисфарна описаны в сборнике летописей на древнеанглийском языке. Как и хроника Каролингов («Анналы королевства франков»), созданная на Британских островах «Англо-саксонская хроника» представляла собой годовые записи. Ведя такие записи, монастыри отслеживали основные экономические, погодные, духовные и политические события. Такого рода тексты часто довольно скучны, в них перечисляются смерти, титулы (например, кто стал аббатом или епископом, кто унаследовал корону), а также приезды и отъезды в города известных людей. Но иногда, как, например, в 793 году, повествование становится захватывающим или, точнее сказать, леденящим душу. Как сообщает нам неизвестный автор, в тот год «случилось ужасное предзнаменование над землей нортумбрийцев, вселив скорбь в людей: это были огромные полотнища света, пронесившиеся по воздуху, и вихри, и огненные драконы летали по небу». За этими «драконами» последовал великий голод.

Вскоре после этого «набег язычников принес печальное опустошение в церкви божьей на Святом Острове». Захватчики убили всех на своем пути.

В последующие сорок лет в хронике не видно каких-то радикальных изменений. Епископы вступают в должность. Короли сражаются с другими королями. Местные прелаты проводят синоды. Появление «язычников» было как вспышка, которая вскоре погасла. Еще одна такая вспышка произошла в 832 году, когда «язычники опустошили остров Шепи» на юго-востоке, а затем она повторилась в 851-м, когда они «впервые остались зимовать на острове Танет», решив не возвращаться в Скандинавию по окончании сезона набегов. При внимательном прочтении этот текст раскрывает нам новую реальность. Правда в том, что приход викингов был обычным явлением. В 865 году викинги прибыли не как захватчики, а как большая армия, и решили остаться на зимовку «в Восточной Англии, где <...> скоро обзавелись лошадьми; и жители заключили с ними мир».

Долгое время историки, особенно современные английские, пересказывали этот сюжет как историю о вторжении, о Великой языческой армии, разгромившей добрых английских королей. Но недавно произошла переоценка — этот текст и другие источники можно трактовать по-другому. Да, короли ранней Британии сражались с викингами и в большинстве случаев про-

игрывали. Однако британцы обнаружили, что мир можно купить в обмен на лошадей или другие ценные товары. А можно заплатить за мир деньгами, побудив викингов просто уйти. Но затем северяне стали заселять остров и начали доминировать на большей его части, за исключением королевства Уэссекс. Король Альфред Великий (871–899) победил захватчиков (в основном родом из нынешней Дании), сохранив свою независимость. Однако он был вынужден подписать договор, признающий новую реальность — датскую власть над большей частью Восточной Англии. С другой стороны, в рамках сделки захватчики согласились принять христианство. С тех пор в Британии политические силы много раз сменяли друг друга, но викинги уже никогда не уходили. Народный древнеанглийский язык заимствовал скандинавские слова, властные структуры изменились, чтобы включить в себя датских правителей, а викинги стали христианами.

Даны в Британии начали принимать христианство в конце IX и начале X веков, но, как мы уже видели, настоящий сдвиг происходит, когда в христианство обращаются правители и приводят с собой своих подданных. Король Дании Харальд Синезубый (958–986), впоследствии также король Норвегии (970–986), был обращен в новую веру миссионерами с далекого юга вскоре после того, как взойшел на трон. В ознаменование принятия христианства он приказал установить распис-

ной рунический камень с изображением Христа и восхвалением достижений Харальда как объединителя нового христианского королевства. Сейчас этот камень стал серым, но когда-то он был разноцветным и ярким. Подобно Рутвельскому кресту, рунические камни из Еллингга сочетали в себе «языческие» и «христианские» образы — распятый Иисус, окруженный виноградными лозами и животными в скандинавском стиле. Взаимное проникновение религий и культур и регионов обрело законное воплощение. Сын и преемник Харальда Свен Вилобородый в 1013 году стал королем Дании, Норвегии и Англии (хотя и ненадолго).

Есть и множество других историй обращения в христианство, о которых стоит упомянуть. В 1000 году альтинг, исландский демократический орган власти, проголосовал за христианизацию острова. Это был, пожалуй, единственный случай обращения в христианство посредством демократии в средневековой истории. То, что произошло в Дании, а раньше — в Нормандии, более типично. Около 911 года норвежский военачальник по имени Роллон получил земли в районе устья Сены от короля Каролингов Карла Простоватого (898–922). На Сену покушались и другие: остатки франкского королевства десятилетиями страдали от рук разнообразных захватчиков. Теперь же франкский король откупился от своих врагов. Викинги стали христианами и получили земли в обмен на защиту Франции от имени

короля. Однако, по словам одного летописца, этот откуп вообще-то прошел не слишком гладко. Передавая Роллону права на землю, король потребовал, чтобы тот поцеловал ему ноги в знак своей покорности. Роллон начал возражать, но в конце концов согласился — приказав своим людям перевернуть короля вверх ногами, чтобы не преклонять перед ним колено. Эта история почти наверняка не соответствует действительности, но она хорошо иллюстрирует напряженность между разными народами, которая сохранится в течение нескольких поколений. Земля северян, норманнов, станет Нормандией, и преемники Роллона — герцоги Нормандии — станут постоянной занозой в боку короля. Особенно этот процесс обострится, когда потомки Карла Простоватого сами станут королями после 1066 года.

Примерно в то же время, когда в Британии обосновались даны, далеко на востоке группы набегчиков и торговцев взаимодействовали с другими государствами и народами. В Западной и Центральной Азии история разворачивалась совсем по-другому, чем в Западной Европе. Здесь не было раздробленных государств и великих богатств, которые хранились в легко доступных религиозных центрах. Придя в Азию, захватчики увидели разбросанные на больших территориях поселения и обширные торговые сети, простиравшиеся от Китая и Индии до Средиземноморья. Константинополь был одной узловым точкой, Багдад другой, и еще сотни

городов связывали между собой степи, горы, пустыни и леса. Централизованная власть и военная мощь этих цивилизаций не исключала возможности частых набегов. Однако сотрудничество и экономический обмен казались более выгодным вариантом.

С севера викинги могли добраться до рек Западной Азии, таких как Днепр и Волга, перевозя корабли волоком или строя новые по мере необходимости. Ближе к 900 году поселениями на этих территориях начинают править семьи, связанные с легендарным Рюриком, основателем Новгорода. Связи с растущими королевствами в Скандинавии укреплялись, шло продвижение на юг — в виде набегов и в форме торговли. В 860 году русы совершили набег на византийцев и осадили Константинополь, застав войска противника врасплох и опустошив пригороды крупнейшего центра христианского мира той эпохи. Но русы также заключали союзы с хазарами — степным народом, правители которого приняли иудаизм (а позже, в X веке, ислам), и контролировали территории между северными землями и Черным морем. Великий шелковый путь проходил через хазарские земли, по этим маршрутам шла торговля самыми ценными товарами в мире: шелком, специями, благовониями, драгоценными металлами, мехом, оружием и рабами. Викинги вовлекались в эту торговлю. Проходя по великим рекам, они сами привозили с севера меха, древесину и рабов, а с собой увозили

изделия из металла, бусы и серебряные дирхемы — монеты халифата. Действительно, дирхемы неоднократно находили в захоронениях викингов и в их селениях, расположенных на обширной территории от Новгорода и Скандинавии до острова Скай в Шотландии и Исландии.

В начале 920-х годов в составе одной из таких торговых делегаций Багдадский халифат Аббасидов отправил с русами на север своего посланника. Мы мало что знаем об этом путешественнике, Ибн Фадлане. Но мы знаем, что он описывал людей, с которыми встречался, а затем составил квазиэтнографические записки о своем путешествии. Такого рода тексты не были чем-то необычным: этот вид путевых заметок за века укоренился в арабской культуре. Ибн Фадлан даже не был единственным автором, описавшим русов в исламских землях. Его современник, географ и чиновник по имени Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех, описал русов, которые пришли из «земли славян... с мехом бобра, лисиц и мечами». Русы торговали с византийцами и хазарами, но иногда заходили в регион близ Каспийского моря, обменивали свои корабли на верблюдов и на этих верблюдах отправлялись с товарами в Багдад. В качестве переводчиков они использовали поработанных евнухов из христианских земель. Викинги, разъезжавшие на верблюдах, притворялись христианами, чтобы платить меньший налог,

чем многобожники. Как мы уже знаем, в исламских государствах христиане занимали особое положение, в отличие от язычников-северян. Поэтому викинги выдавали себя за христиан.

Повествование Ибн Фадлана тревожит воображение. Он описывает мир, с которым сталкивается, невозможно и без особых эмоций, но есть в тексте моменты, когда человеческая сущность героев проявляется во всем своем величии и во всей чудовищности. Например, русы, которых автор узнает все больше в ходе путешествия, вызывают у него противоречивые чувства. Ибн Фадлан говорит, что «не видел людей с более совершенными телами, чем у них. Они подобны пальмам, румяны, красны» и хорошо вооружены, а женщины носят изысканные украшения (возможно, какие-то броши и ожерелья). Однако, даже восхищаясь красотой русов, Ибн Фадлан называл их «грязнейшими тварями Божьими», сравнивая с «блуждающими ослами». Его отталкивали странные привычки: например, привычка умываться по утрам из одной лохани, сморкаясь и плюя при этом в воду.

Помимо гигиены, с особым беспокойством Ибн Фадлан описывает похороны знатного руса. В ходе этого ритуала рабыню одурманивают, поочередно насилуют, а затем ритуально убивают на корабле, рядом с ее хозяином. На корабль, кроме тела знатного руса в богатом

облачении, грузят тела рабов и принесенных в жертву животных, различные предметы роскоши. Затем это судно поджигают. «И огонь охватил дрова, затем судно, потом палатку с мужчиной, девушкой и всем остальным, а потом подул сильный, грозный ветер, пламя усилилось». Один из русов засмеялся над Ибн Фадланом и сказал: «Вы, арабы, глупый народ, ибо вы берете почтеннейшего из людей и бросаете его в землю, где его съедают черви; мы же сжигаем его в огне в одно мгновение, и он в тот же час входит в рай».

Обе стороны понимали различие своих культурных и религиозных практик. Собеседник-рус имел представление об исламской практике погребения, а Ибн Фадлан знал обычаи русов. Но главное в этом эпизоде — судьба поработанной женщины, которая, похоже, совсем не беспокоит арабского рассказчика. Как мы знаем, рабство — достаточно распространенное явление в раннесредневековом мире, и общество викингов не было исключением. Вместе с лесом, мехом и другими товарами викинги перевозили людей, которых захватывали в плен во время войн и набегов. Некоторые поселения викингов создавались как центры сексуальной торговли. Набеги часто совершались с целью убийства мужчин и похищения женщин, чтобы потом продавать их (или дарить). Даже в обществе викингов различные судебные решения могли привести кого-то к рабству (несвободе). Быть несвободным в разных

местах и в разное время означало разное. Многие порабощенные народы жили и трудились, пользуясь существенной правовой защитой. И все же мы не можем отрицать реальность рабства. Рабы страдали и подчинялись прихотям своих хозяев и господ. Ибн Фадлан описывает изнасилование и ритуальное убийство — вероятно, подобное случалось не так часто, но случалось, такой была реальность того времени.

Тем не менее было бы ошибкой считать, что эта бедная убитая девушка страдала за всех женщин в обществе викингов. Невольникам и невольницам-чужестранцам было тяжело, но скандинавки пользовались равенством с мужчинами. Саги и хроники полны примеров гендерного насилия, но средневековое скандинавское законодательство обычно допускало развод по инициативе любой из сторон. Женщины владели собственностью. Женщины сражались — как в реальности, так и в сказаниях. Когда мужчины отправлялись в морские походы, женщины часто плыли вместе с ними. В могилы скандинавских женщин клали все необходимое для жизни, и часто это были не только украшения или предметы домашнего обихода, но также и мечи. Из этого можно сделать вывод, что некоторые женщины даже участвовали в набегах — или «викингах», как называли такие действия норвежцы (хотя это вопрос дискуссионный). До нас дошло невероятное множество изображений, литературных описаний и археологических свидетельств

о скандинавских женщинах, которые сражались, правили и вообще жили как считали нужным.

Возьмем, к примеру, женщину по имени Фрейдис, сестру Лейфа Эрикссона. Оба они жили на рубеже первого тысячелетия. Лейф известен своими подвигами, описанными в героических сагах. Он плывет на запад из Гренландии, чтобы совершать набеги и торговать, и в конце концов достигает Америки почти за пять столетий до Колумба. До нас не дошли истории об этом, рассказанные коренными народами, но показательны две саги о викингах, в которых упоминается Винланд (по всей видимости, под этим названием имелась в виду местность где-то на северо-востоке Северной Америки). Викинги быстро переходили к агрессии, но также были готовы торговать с местными жителями. Фрейдис, сестра Лейфа, играла важную роль в этих сюжетах. Однажды, когда на нее, беременную, напали, Фрейдис закричала на мужчин: «Почему вы, такие храбрые, убегаете от этих жалких негодяев? Будь у меня оружие, уверена, я бы сражалась лучше, чем любой из вас». Это были не пустые слова: наткнувшись на мертвого воина-викинга, Фрейдис взяла его меч, «обнажила одну грудь и ударила по ней острием. Скрелинги [уничжительное определение для обозначения коренных народов] пришли в ужас и бежали обратно к своим лодкам». В другой саге внутренние распри ставят под угрозу само существование колонии викингов. Фрейдис